

Е.С. СУРКОВА

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ΔΥΝΑΜΙΣ 'СИЛА' В КОНТЕКСТЕ АНТИЧНОЙ И РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ ФИЛОСОФИИ

Анализируется эволюция понятия *δυναμις* от онтологического термина древнегреческой философии до лингвофилософского понятия в византийско-славянской средневековой традиции.

This essay represents the evolution of the concept *δυναμις* from the ancient Greek ontological term to the linguistic and philosophical concept in Byzanto-Slavonic medieval tradition of philosophizing.

Процесс перехода от мифопоэтической к философской парадигме мышления требовал преобразования специальных знаний, накопленных человечеством, на базе такой модели, которая была бы сориентирована на поиск единой первоосновы всего сущего. Это требование предопределило порождение таких исходных начал, как "число" пифагорейцев, "логос" Гераклита, "бытие" Парменида, "атом" Демокрита, "нус" Анаксагора. Первоосновы объединяли все сущее, все сферы бытия и мысли, природной и социальной действительности в единый для всех космос, над которым стало возможно рефлексировать, используя универсальные понятия.

Одним из таких понятий, характеризующих "то, что было вначале", можно считать греческое *δυναμις*, среди значений которого – 'сила, способность, возможность', а также 'смысл, значение (слов)' (Древнегреческо-русский словарь, I, 428–429). *Δυναμις* изначально обозначает способность активно воздействовать на какой-либо объект. В этом случае греческому *δυναμις* соответствуют такие русские лексемы, как 'сила', 'мощь', 'потенция' и др. Кроме того, *δυναμις* подразумевает возможность пассивного состояния относительно чужого воздействия, и тогда в семантическое поле греческой лексемы входят семы 'страдание', 'восприимчивость', 'чувствительность' и т. д. Наряду с такими терминами, как *ἀρχή* 'первоначало', *στοιχεῖον* 'элемент', *οὐοία* 'сущность' и др., *δυναμις* играла первостепенную роль в науке и философии, начиная с V–IV вв. до н. э. (Милетская школа, Гераклит, Парменид и др.) и в последующие века (см. Рожанский 1979, 96). Однако о *δυναμις* как о классическом философском термине упоминают обычно в контексте онтологии Аристотеля в связи с его учением об отношении между понятиями и чувственным бытием (ср., например, Stallmach 1959, Асмус 1976, Лосев 1975).

В настоящей работе мы попытаемся проследить за эволюцией и особенностями содержания этого термина также в некоторых других философских системах, особое внимание уделяя "лингвистическому" компоненту в структуре его значений.

1. *Δυναμις* у Платона. У Платона (427–347 до н. э.) *δυναμις* появляется в рассуждениях об активном и пассивном началах, заложенных в природе

(ср. в *Софисте* (247d–248a)): "Я утверждаю теперь, что все, обладающее по своей природе способностью (*δυναμις*) либо воздействовать на что-то другое, либо испытывать хоть малейшее воздействие, пусть от чего-то весьма незначительного и только один раз, – все это действительно существует. Я даю такое определение существующего: оно есть не что иное, как способность (*δυναμις*)" (цит. по: Платон 1993, II, 316). Дихотомия *активное/пассивное* характеризует материю со стороны ее способности к внешним и внутренним модификациям. *Δυναμις* при этом играет особую роль фактора, детерминирующего эти модификации. Благодаря *δυναμις* таинственная 'природа' (*φύσις*), субстанциальная 'форма' (*εἶδος*) или первичный элемент имеют возможность проявиться, и происходит это посредством активизации их *δύναμις*. Данный процесс объясняет, почему, по мнению Платона, можно легко отождествить 'природу' (*φύσις*) и собственно *δυναμις* (ср. *Протагор* (349b): "...мудрость, рассудительность, мужество, справедливость, благочестие – пять ли это обозначений одной и той же вещи, или, напротив, под каждым из этих обозначений кроется некая особая сущность (*οὐσία*) и вещь, имеющая свое особое свойство (*δυναμις*), так что они не совпадают друг с другом?" (цит. по: Платон 1990, I, 461)).

Далее *δυναμις* встречается наиболее часто в дискуссиях о физиологии в *Тимее* (здесь упоминаются *δύναμις* остроты и солёности в сочетании с разнообразием цвета и степени горечи при описании крови (82e); сила кровяных волокон, свертывающих кровь (85d), и т. д.).

Обобщая случаи употребления *δυναμις* в философских текстах Платона, можно говорить о том, что здесь этот термин обозначает свойство или качество, обнаруживающее природу вещей. *Δυναμις* может быть проявлена двояко: либо как активное, движущее начало, либо как состояние пассивности. И в том и в другом случаях *δυναμις* раскрывает сокровенную, глубочайшую природу вещей, проявляет их сущности. *Δυναμις* способствует тому, чтобы каждая вещь получила свое имя в зависимости от особенностей строения, а также распределяет их по отдельным группам. Иными словами, *δυναμις* у Платона представляет собой одновременно принципы познания и дифференциации вещей. Если мы хотим изучить природу вещи, мы должны сначала проанализировать целое, разбив его на элементарные составляющие, а затем исследовать способности (*δυναμις*) вещи: "...на что и как она по своей природе может воздействовать или, наоборот, что и как может воздействовать на нее?" (цит. по: Платон 1993, II, 181).

2. *Δύναμις* в учении Аристотеля. Далее учение об активных и пассивных *δύναμεις* систематизировал Аристотель (384–322 до н. э.). В его *Физике* и *Метафизике* *δυναμις* выступает важнейшим философским понятием в связи с разработкой концепции материи, получившей фундаментальное значение.

Δυναμεις в *Метафизике* Аристотеля – это формы, в которые он преобразовывает платоновские эйдосы (гл. XIII). В отличие от Платона, Аристотель мыслит сущность вещи не через ее *εἶδος*, а через ее *δυναμις*. Силы заключены во всем том, что становится существующим, осуществленным. *Δύναμις* есть способность материи быть сущностью или индивидуально определенной вещью.

Стремясь прояснить собственно философское значение данного слова, Аристотель, этот "философ-называтель" (Мамардашвили), однако, не преодолевает его многозначность, но принимает нетождественные понятия, стоящие за ним, как данность. Так, в *Категориях* (гл. VIII) Стагирит говорит о том, что *δυναμεις* являются все качества вещи, данные нам в восприятие (в первую очередь в осязание, например, горячее и холодное, сухое и

* Здесь и далее в круглых скобках приводится номер стиха.

влажное). Их сила проявляется в момент воздействия на тело, реагирующее на это воздействие. Поэтому только реально существующие вещи, воздействующие сами либо испытывающие воздействие со стороны, могут быть определены как подлинные *δυναμεις*, выражающие стремление становиться и существовать качественно определенным образом.

А в *Метафизике* Аристотель рассматривает *δυναμεις* в новом контексте. Здесь *δυναμεις* означает потенцию-возможность: "...способностью, или возможностью (*δυναμεις*), называется начало движения или изменения вещи, находящееся в ином или в ней самой, поскольку она иное" (цит. по: Аристотель 1976, I, 162).

Δυναμεις-потенция, мощьность, или возможность, есть прежде всего способность вещи стать иной. Сидящий – потенция ходящего, а зажмурившийся – потенция смотрящего. Сидящий может встать, а зажмурившийся может открыть глаза. В этом случае возможность (как бы дремлющая сила) становится бытием; потенция, пробуждаясь, оказывается энергией (*ἐνέργεια*). И энергия, и потенция в равной степени представляют собой смысловые конструкции эйдоса, являющие сущность вещи. Однако они не могут быть отождествлены.

Различению потенции и энергии в *Метафизике* уделено особенно много внимания. Для нас здесь важно, что "потенция и энергия суть в основе определения смыслов. Это – характеристика сферы смысла и определенных его модификаций. <...> Энергия есть смысл плюс выражение плюс смысловое становление. Потенция есть выражение минус смысл плюс смысловое становление остатка. Вот почему внешне и описательно потенцией вещи являются все ее ближайшие предикаты, а энергией – вещь со всеми своими предикатами. Иными словами, потенция (*δυναμεις*) – это отвлеченный принцип перехода смысла в свое выражение" (Лосев 1927, 380–381). Таким образом, и то и другое понятие относится к области выраженного смысла и занимает позицию между отвлеченным Логосом и реальной вещью. При этом энергия есть принцип выражения, а потенция есть то, как выражен смысл.

Вероятно, новый аспект *δυναμεις* так, как он представлен у Аристотеля, объясняет возможность приложения этого термина и к системе языка. В классической схеме "семантического треугольника" *δυναμεις* может быть отнесена к области выражения. "Наука всюду исследует главным образом первое – то, от чего зависит остальное и через это остальное получает свое название" (цит. по: Аристотель 1976, I, 120). Номинация находится на одном уровне с тем, "что относится к началам", т. е. вновь здесь возникают *δυναμεις* и *ἐνέργεια* как предпосылки установления сущностных связей между явлениями объективного мира, отраженными в семантической структуре языка. *Δυναμεις*-потенция, равно как и *δυναμεις*-качество, предопределяет возникновение чего-то из материи, что обозначается не именем самой материи, а именем, производным от нее ("например, изваяние называется не деревом, а производным словом – деревянным <...>, дом – кирпичным, а не кирпичами, ибо если внимательно посмотреть, то нельзя даже без оговорок сказать, что изваяние возникает из дерева или дом – из кирпичей, так как то, из чего вещь возникает, должно при ее возникновении изменяться, а не оставаться тем же. Вот по этой причине так и говорится" (цит. по: Аристотель 1976, I, 162).

Δυναμεις у Аристотеля – то активное начало, которое делает возможным (или невозможным) некоторому смыслу ("форме", наделенной "силой" и "энергией") выразить себя посредством слова (языковой материи), внешний фактор, влияющий на способность языка изначально передавать смыслы в неискаженном виде. Это "сила" трансцендентного Логоса, благодаря которой оказывается возможным познание осуществленной внеязыковой действительности. Хотя данные положения и не были высказаны Аристотелем

буквально, его исследования (в том числе собственно в языковой сфере) демонстрируют, что имплицитно такие выводы присутствуют в его трудах. Взгляды Аристотеля на природу вещей вообще, а также на сущность человеческого языка как части природы в частности разделяли многие философы последующих эпох.

3. *δυναμις* у стоиков. Зенон Афинский (ок. 333–262 до н. э.), основатель школы стоицизма, развивает далее учение об *активном/пассивном* началах (см. Диоген Лазертский 1979, 309–314). Первое у него репрезентирует бога или Логос, второе – сущности без определенного качества. Первое способно действовать само и испытывать воздействие извне (присутствие активного начала внутри материи предопределяет бытие). В том же случае, если нечто не способно ни воздействовать, ни испытывать воздействие, это означает, что данная сущность либо не существует самостоятельно, либо она является бестелесной, нематериальной. Среди нематериальных сущностей стоики выделяют, к примеру, *λεκτόν*, или 'значение вещей'. 'Значение вещи' – это сама вещь, явленная в звуке. Человек воспринимает ее в этом случае как существующую вместе с его мыслью в области идеального.

Одной из отличительных характеристик активного начала (бога или Логоса, который, будучи бесформенным, способен воплощаться в любые формы и менять их по желанию) является качество (*ποιότης* 'качественная определенность' (Древнегреческо-русский словарь, II, 1338)). Качество определяется как один из аспектов космического Логоса (Хрисипп), внутри которого заключена активная сила, действующая вовне. Логос, обладающий абсолютным творческим статусом, есть гармония, задающая форму и очертание материи, в которой он репрезентирован. Материальные объекты способны различаться между собой, поскольку в их дифференциации проявляются варианты воплощения Логоса. Дифференциация, или свойство, таким образом, является манифестацией Логоса. А это означает, что и Логос материален.

Поскольку качество у стоиков представляет собой овеществленный Логос, постольку оно является *δυναμις*. Качества здесь определены как силы (Хрисипп). Качества (к примеру, сладкое и горькое) не могут быть изменены до тех пор, пока не будут изменены их силы (*ἡ περὶ αὐτὰ δύναμις*). Силы – это материальные причины существования качеств или предикатов (ср.: мудрость – причина бытности мудрым и т. д.). В этой связи логично предположить, что со своей стороны качества (такие как сладкое и горькое) являются силами, потому что они способны воздействовать на нечто внешнее по отношению к ним самим (горькое воспринимается как таковое благодаря своей противоположности сладкому).

Таким образом, *δυναμις* у стоиков – это термин, обозначающий активное начало (агентов) в причинно-следственном процессе. В рефлексии над человеческим языком этот термин появляется в связи с учением о *λεκτόν* для представления о предпосылках возникновения значения. Эти представления сложились в одну из первых интенциональных теорий значения. Здесь важно также отметить идеальный характер единиц языка, которые не существуют как материальные объекты, но чьи денотаты являются воплощением формообразующей силы (*δυναμις*) космического Логоса, проявляющего себя в *λεκτόν*.

Учение античности о качествах и силах получило дальнейшее развитие и определило тенденции философствования по данному поводу для всей эпохи Средневековья.

4. *δυναμις* у Псевдо-Дионисия Ареопагита. В связи с учением о *δυναμις* мы упомянем далее лишь одно имя эпохи Средневековья – имя Псевдо-Дионисия Ареопагита (ок. VI в. н. э. (?)), который, исходя из изложенной в трактате *Божественные имена* концепции познания Высшего Бла-

га через Его бесконечные номинации, настаивает на том, что бессмысленно (ἄλογον) и невежественно (σκαίον) принимать во внимание оболочку слова (λέξις), звуки (εχου ψιλους), буквы (στοιχεῖα), знаки (γραμμαί), слоги (συλλαβαί) вопреки той силе (δυναμις), которая создает сущность слова, указывает на его смысл (σημαίνει), необходимый для разумного понимания имени (Мистическое богословие 1991, 42). Сущность предмета, которую человеческому разуму нелегко понять и познать, может обозначаться целым рядом имен. При этом, чем менее познаваема сущность, тем в большем количестве номинаций она нуждается. Но даже в этом случае ни одно имя или их совокупность не могут охватить целиком значимую силу (δυναμις) предмета, которая проявляет себя частично в тех или иных именах.

Δυναμις Псевдо-Дионисия Ареопагита – это понятие античной, аристотелевской, метафизики, примененное в богословии, в котором благодаря Псевдо-Дионисию появляется новая антиномия: апофатическое/катафатическое. В учении этого крупнейшего мыслителя христианского мира встает проблема иерархии трансцендентного "сверхбытия" и эмпирического "бытия". "Сверхбытие" пребывает выше всякого бытия, поэтому для описания первого невозможно применить понятийно-логическую систему второго. Возникает апофатическое ἄ-, посредством которого достигается утверждение, отказом от всякого знания – высшее знание. Однако Трансцендентное стремится быть познанным и являет себя в сфере бытия посредством божественных проявлений ("разделений"). Так, δυναμις -сила наряду с другими качествами (среди которых – начало и завершение, жизнь и бессмертие, гармония, сохранение, познание, разум, чувство, покой, движение и др.), нападствуя в бытии, характеризует сущее как сущее (Божественные имена).

В языковой сфере δυναμις проявляется в связи с важнейшей для христианской гносеологии проблемой имени Бога. Псевдо-Дионисий Ареопагит выстраивает здесь систему утвердительных и отрицательных обозначений, над которой – безымянное имя, превышающее всякое имя. Все катафатические имена Бога называют Его проявления. Возникающие тут же апофатические номинации, отрицая первые, свидетельствуют о сущности Трансцендентного: Бог не является ни благом и ни не-благом, ни сущим и ни не-сущим, ни мраком и ни светом и т. д. Сущность Бога, Его "сверхбытие" не познается разумом и не выражается словом. Познать и назвать можно только проявления-качества "сверхбожественного божества", Его "исхождение", предпосылками которых являются все те же δυναμεις.

5. Раннеславянская лингвофилософская традиция. В древнеславянских памятниках δυναμις встречается в контекстах, где речь идет об "открытии-обрѣтѣнии" в лингвистической сфере. Так, в "хазарском" эпизоде *Пространного Жития Константина (Vita Constantini, VIII)*, созданного между 869–880 гг., читаем знаменитое свидетельство о том, как Константин-Кирилл обрѣт'... евангеліе и ѱалтирь, роуш'кымъ писменемъ писано... и силоу рѣчи приѣмъ, своен бесѣдѣ прикладае различіе писмень (цит. по: Климент Охридски 1973). Далее мы находим эту лексему еще в одном тексте, который стоит в начале славянской оригинальной книжно-письменной традиции (возможно, 60-е гг. IX в.), – в апологии, фрагмент которой представлен в *Македонском кириллическом листке (или листе Гильфердинга)* XI–XII вв. и содержит цитату из *Божественных имен* Псевдо-Дионисия Ареопагита: во плода не нма акоже мьнж. криво зѣло еже не силѣ и разоумоу нь глагольмъ съмотрѣтн (цит. по: Минчева 1978, 81). Исследователи по-разному характеризуют и атрибутируют этот памятник, но так или иначе все сходятся во мнении, что данный фрагмент передает характерные для Кирилло-Методиевской школы моменты лингвофилософской рефлексии над процессом создания миссионерского языка для славян.

В сравнении с другими случаями употребления старославянского слова *сила*, в частности в новозаветных контекстах, варьирующих только первое значение *δυναμις* 'сила, мощь' (Старославянский словарь 1994, 602), Кирилло-Мефодиевский корпус текстов демонстрирует спецификацию "лингвистического" компонента значения и использование данной лексемы в особом статусе, возможно, статусе лингвофилософского термина.

Появление одного из фундаментальных философских понятий, разработанных в космологических и метафизических теориях античности и примененных впоследствии в христианском богословии, в текстах, относящихся к началу славянской книжно-письменной традиции, означает, что эта традиция изначально включилась в глобальный процесс философствования. Параллельно с переводческой деятельностью, обеспечивавшей нужды молодой славянской церкви, в Кирилло-Мефодиевской школе закладывались основы собственной философской системы – создавалась терминология, выполнялись переводы важных теолого-философских текстов (таких, к примеру, как *Диалектика* Иоанна Дамаскина, *XIII Слов* Григория Богослова, *Хроника* Иоанна Малалы, тексты, составившие *Изборник Святослава 1073 г.*, и др., которые наполнены реминисценциями из античной философии, мифологии, культуры).

Факт появления *δυναμις* в текстах, связанных с именами первоучителей, на наш взгляд, является подтверждением того, что славянская книжно-письменная традиция действительно опиралась на оригинальную философско-богословскую систему, восходящую к традициям древности. Таким образом, лингвофилософская традиция перенимает богатую диалектику античных учений о слове, при этом в языке усиливается сторона "силы" и "разума", смысла.

Итак, на примере эволюции понятия *δυναμις* в античном космо- и в раннесредневековом теоцентризме мы еще раз убедились в том, что начала любого познания (например, актуальность, форма, потенциальность и т. д.) являются аксиомами или началами для всей науки. А если речь идет о постижении природно сущего (в том числе языка), они могут иметь решающее значение.

Литература

- Аристотель. Сочинения в четырех томах / Под ред. В.Ф. Асмуса. М., 1976–1983.
 Асмус В. Ф. Античная философия. 2-е изд. М., 1976.
 Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979.
 Древнегреческо-русский словарь: В 2 т. / Под ред. И.Х. Дворецкого. М., 1958. Т. 1–2.
 Климент Охридски. Събрани съчинения: В 3 т. / Под ред. Б. Ангелов и Хр. Кодов. София, 1973. Т. 3.
 Лосев А. Ф. Античный космос и современная наука. М., 1927.
 Лосев А. Ф. История античной эстетики. М., 1975.
 Минчева А. Старобългарски кирилски откъсленици. Български езикови паметници. София, 1978.
 Мистическое богословие / Под ред. Л. Лутковского. Киев, 1991.
 Платон. Собрания сочинений в четырех томах / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса. А.А. Тахо-Годи. М., 1990–1994.
 Рожанский И. Д. Развитие естествознания в эпоху античности. Ранняя греческая наука "о природе". М., 1979.
 Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин и др. М., 1994.
 Stallmach J. Dynamis und Energie. Untersuchungen am Werk des Aristoteles zur Problemgeschichte von Möglichkeit und Wirklichkeit. Meisenheim am Glan, 1959.

Поступила в редакцию 21.12.2001.

Елена Сергеевна Суркова – кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания.